

МИХАИЛ ОДЕССКИЙ

Идеологема «революция» и возможность социальных потрясений в современной России

1. Применительно к современной Европе (Европе рубежа тысячелетий) принято говорить о двух «революционных» волнах. Первая — это крах тоталитарных режимов в бывшем социалистическом лагере (от «бархатной» революции в Чехии до кровавой революции в Румынии), который увенчался событиями 19-22 августа 1991г. в СССР. Вторая — недавние «цветные» антиправительственные выступления в постсоветских республиках (Грузия, Украина, Киргизия, в этот ряд также вписывают падение власти С. Милошевича в Сербии), из которых парадигматична — «оранжевая» революция. Символично, что 5 января 2005г. новые лидеры Виктор Ющенко и Михаил Саакашвили подписали Карпатскую декларацию, где украинская и грузинская революция названы «новой волной освобождения Европы, которая приведет к окончательной победе свободы и демократии на европейском континенте» («Оранжевая революция»: Украинская версия: Сб./Сост. М. Погребинский. М.: «Европа», 2005. С. 457). На таком политическом фоне эксперты задают вопрос (по аналогии): не найдет ли вторая «революционная» волна — подобно первой — эффективное завершение в России, что и будет «окончательной победой свободы и демократии на европейском континенте». Другими словами: насколько представима (в относительно близком будущем) «революция», направленная против современного курса российского правительства.

2. Прежде всего, однако, необходимо уточнить термин «революция», который — как это часто случается в политике — на самом деле не столько термин (понятие, наделенное ясными характеристиками), сколько

идеологема, т. е. понятие принципиально не точное, обязательно употребляемое в качестве оценочного. Обратившись к истории, нетрудно убедиться, что идеологема «революция» в современном ее понимании сформировалась в Век Просвещения (от «Славной» революции Вильгельма Оранского (William Orange) в Англии – к Великой французской революции). Революциями именовали насильственные (как правило) действия, в результате которых традиционный (сословный) социум сменялся социумом нового типа, реализующим комплекс идей Просвещения (разделение властей, равенство граждан перед законом, веротерпимость, уважение прав личности, защита бедных и т. п.) (Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. М., 1997. С. 23-32). Эти «правильные» революции противопоставлялись «неправильным», не приводившим к принципиальным изменениям в общественном строе. В отечественной традиции речь идет об оппозиции «революция» / «переворот», хотя «революция» в переводе с латыни также значит «переворот». Программа Просвещения до сих пор квалифицируется как базовая для «цивилизованного мира», потому событие, удостоенное имени «революция», обречено на поддержку интеллектуалов и международного общественного мнения.

3. Общества, в которых происходили «цветные» революции, никак нельзя отнести ни к сословным, ни к тоталитарным. Правящая элита отнюдь не отрицала программу Просвещения и даже объявляла ее реализованной: декларировалось разделение властей, функционировала система выборов и т. п. Равным образом, едва ли уместно говорить о диктатуре или (для бывших республик СССР) об оккупации и национальном гнете. Согласно суммирующей характеристике С. Маркова, «режим Кучмы был довольно свободным, он не использовал политических репрессий, не было политических заключенных, никакой ужасной политической полиции... Оппозиция имела не только свои газеты, но и два телеканала, правда, не очень мощных. <...> Были полностью открыты границы, Украина имела традицию нескольких туров в общем-то свободных и конкурентных выборов, а оппозиция – крупнейшую фракцию в парламенте» («Оранжевая революция». С. 76). Это очевидно. Однако столь же очевидно, что у населения возникло стойкое недоверие к системе выборов и – шире (по словам В. Никонова) – «ощущение несправедливости существующих порядков, основанное на коррупционных скандалах, растущем социальном неравенстве, неразвитости демократических институтов» («Оранжевая революция». С. 17). Можно сказать: дисфункция выборной системы – символ, а суть – недовольство (по тем или иным причинам) режимом, который недостаточно эффективно реализует программу Просвещения (при том что полностью она вообще не может быть реализована, по крайней мере – в ближайшее время и на постсоветском пространстве). Таким образом,

специфика «цветных» революций — их отличие от образцовых революций прошлого и от «бархатных» революций рубежа 1980-1990-х гг. — определяется (естественно, в упрощенном виде) посредством двух основных параметров: (1) формальный — дисфункция выборной системы; (2) идеологический — требование радикального изменения существующего строя (или радикального исправления его недостатков) в духе дальнейшей реализации программы Просвещения, хотя эта программа не отвергается и правительством.

4. Соответственно, возможность «цветной» революции в России обусловлена: (1) также имеющимся недоверием части населения к выборной системе; (2) недовольством государственными институтами (для либералов — авторитаризм правительственного курса, для левых сил — нарушение прав бедных, монетизация льгот и т. п.).

5. Ситуация дополнительно осложняется тем, что эксперты обсуждают не только «цветные» революции, но само слово-лозунг «революция».

Случай первый. «Цветным» революциям отказывают в праве на «революционное» имя, акцентируя фактические отклонения хода и лозунгов «цветных» революций от революционного образца (говоря фигурально — отклонения «оранжевой» революции от «оранжистской»). Украинский политолог А. Литвиненко: «...“оранжевые” протесты ноября — декабря 2004 года можно характеризовать как мощнейшее протестное движение, обеспечившее защиту избирательных прав граждан и победу одной из фракций украинского истеблишмента. Одновременно эти события не привели и не могли привести к коренной ломке социально-политического строя и поэтому вряд ли могут сегодня оцениваться как революция» («Оранжевая революция». С. 25).

Здесь, впрочем, продуктивно не столько оценивать степень «коренной ломки социально-политического строя», сколько обратить внимание на тезаурус оппозиции. А тезаурус — и в кризисные дни, и раньше — был классически революционным. Политолог А. Попов анализировал выступление экс-генпрокурора В. Шижкина, который 26 июля 2004 процитировал декларацию ООН по правам человека, где указывается, что народ имеет право на вооруженное восстание против тирании, и статьи Конституции и УК Украины, где не предусматривается уголовная ответственность лиц, которые поднимаются на восстание в состоянии крайней необходимости». Однако, — замечает Попов, — на самом деле ничего подобного нет ни в международных пактах, ни в законах Украины и зарубежных стран, а единственная конституция, где было записано право народа на восстание, — якобинская конституция 1793 года, в которой этот тезис Руссо обосновывал беспрецедентный для того времени террор. В августе в дебатах начальников штабов кандидатов А. Зинченко и С. Тигипко на пятом канале также утверждалось,

что конституцией гарантировано «право на восстание» («Оранжевая революция». С. 151). Ясно, что имеет в виду А. Попов: сторонники «оранжевой» революции — совершенно в духе террористов-якобинцев — смешивали закон с утопическим учением об «общественном договоре». В такой идеологической перспективе отнюдь не оговоркой, а продуманным лозунгом выглядит обращение к силовикам экс-министра обороны, экс-главы Службы Безопасности Украины Марчука (26 ноября), призывавшего «уважать конституционное право на протест» («Оранжевая революция». С. 429). Равным образом — заявление Виктора Ющенко в интервью «Sunday Telegraph» (5 декабря), что «мы просто возьмем власть штурмом» («Оранжевая революция». С. 441).

Кроме того, после второго тура выборов — в ответ на решение ЦИК о победе Януковича — было объявлено о создании Комитета национального спасения (председатель Ющенко), декреты которого, оглашенные на Майдане, по сути означали революционный захват власти (см. тексты декретов: «Оранжевая революция». С. 296-300). Однако Комитет национального спасения — не просто название экспромтом созданного государственного института, а революционная идеологема, причем с солидным якобинским прошлым. «Комитетом общественного спасения» именовался основной правительственный орган якобинской республики, созданный в экстремальных обстоятельствах и принявший на себя ответственность за широкомасштабный государственный террор, Комитет общественного спасения функционировал в системе Парижской Коммуны 1871 г. (пламенным его апологетом выступил Михаил Бакунин) и т. д. Парадокса ради добавлю, что Комитет национального спасения создали противники Б. Ельцина во время событий 1993 г. Вероятно, они не столько желали отметить 200-летие якобинского террора, сколько апеллировали к большевистскому революционному наследию, да и патриотические ассоциации словосочетания «национальное спасение» их тоже устраивали.

Итак, в терминологическом плане «оранжевая» революция отчетливо позиционировала себя в качестве «революции». И если опровергать эту претензию, то не указаниями на фактические несовпадения с историческим образцом, но идеологическими аргументами, актуализирующими оценочность идеологемы «революция».

Отсюда *случай второй*. Определение «революция» может считаться слишком позитивным, не соответствующим «низкой» реальности «цветной» политики. Украинский политолог В. Малинкович: «Без крови современные революции, пожалуй, могут и обойтись, но вот без фундаментальных — то есть системных — изменений всего политического и социального строя революций, думаю, не бывает. События, которые последовали за горбачевской “перестройкой” в республиках СССР и “бархатными революциями” в Чехословакии, ГДР, Венгрии, Польше и даже в Белграде, были бескровными, но, безусловно, революционными, т. к. до самых

корней перетрясли всю систему политической, социально-экономической и культурной жизни общества. Совсем не то в Украине (и, кстати, в Грузии Михаила Саакашвили). Организаторы “оранжевой революции”, включая самого Виктора Ющенко, вовсе не хотели системных перемен» («Оранжевая революция». С. 30). Тут комментарии излишни — все ясно.

Самый интересный — *третий случай*. Идеологема «революция» — в противоположность второму случаю — может восприниматься как негативная оценка, открывающая опасные тенденции «оранжевой» революции. В. Никонов задает риторические вопросы: «Итак, в Киеве произошла революция! Или не произошла? Может быть, там просто подвели итоги слишком бурной избирательной кампании или был организован государственный переворот?» И отвечает: «Если следовать названным выше критериям, то события в Украине в определение “революция” вписываются» («Оранжевая революция». С. 111-112). Более того, Никонов уточняет, что «оранжевая» революция по своему характеру — демократическая: «Можно ли считать революцию демократической? На Западе таковыми являются революции, в которых побеждают силы, рассматриваемые на Западе же как демократические. В России — если побеждают люди, называющие себя демократами. По Ленину, демократическая революция — это та, в которой решающую роль играют люди на улицах. По всем этим критериям революция была демократической» («Оранжевая революция». С. 121). Однако выводы следуют скорее печально скептические, чуть ли не сочувственные по отношению к Украине: «Настоящая ли это революция, мы узнаем скоро: по тому, начнет ли она, как всякая уважающая себя революция, пожирать собственных детей. Например, не станет ли Юлия Тимошенко чем-то напоминать товарища Троцкого. Тот тоже был главным творцом и мотором революции, получил от Ленина поручение возглавить правительство, но потом оказался слишком сильным для остальных» («Оранжевая революция». С. 121). Кадровый прогноз оправдался, значит, «оранжевая» революция — подлинная революция, но насколько она в этой связи заслуживает позитивной оценки?

Подобное отношение закономерно для российского политолога. Идеологема «революция» эмоционально воспринимается на Западе не так, как в современной России. Будучи жестко связана с коммунистическим прошлым (культ Октябрьской революции и т. д.), она не объединяет, а разделяет людей — она симпатична прежде всего апологетам прошлого и (по той же причине) отталкивает многих представителей политического бомонда России.

Августовские события 1991 г. многие наблюдатели по горячим следам объявили «революцией». В этом не сомневался сторонник Ельцина журналист А. Черкизов, не сомневались и противники («Правда» писала об «августовской буржуазной революции»). Но инициатор перестройки М. Горбачев называл августовские события — исключитель-

но путчем (см., напр.: Горбачев М. Декабрь-91: Моя позиция. М., 1992. С. 150), что автоматически подразумевало: победа над ГКЧП — не революция, но восстановление конституционного порядка, которому угрожали мятежники. Вполне закономерно, что победитель — Б. Ельцин — также именовал события 19-21 августа «переворотом» (Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния / Сост. Л. Н. Доброхотов. М., 1992. С. 392), никак не претендуя на имя «революционера». Наконец, в качестве «путча» фигурирует август 1991 г. в новейших школьных учебниках по истории.

Потому не стоит удивляться, что «революционная» квалификация прихода к власти Ющенко может означать отрицательное отношение, а гипотетическая «цветная» революция в России может изображаться эсхатологической катастрофой. Глеб Павловский: «... киевская революция — никакая не украинская и не восточноевропейская. Это хорошо нам памятная русская революция, еще одна в столетней цепи таких же, начиная с первой русской революции 1905 года» («Оранжевая революция». С. 3). Декларируя свою веру в то, что никаких «цветных» революций в России не произойдет, Павловский апеллирует именно к национальному историческому опыту, который аккумулировал страх перед любой революцией: «У России богатый опыт не только “успешных”, но и успешно предотвращенных революций» («Оранжевая революция». С. 7).

Таким образом, можно ожидать, что эмоциональные оценки слова-лозунга «революция» — во всем их спектре — будут весьма причудливо востребованы в политических (пропагандистских) проектах ближайшего времени.